

IMITATIO CHRISTI В РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ю.Е. Арнаутова, А.Б. Герштейн

ВВЕДЕНИЕ

Imitatio Christi – “подражание Христу” – теологическая максима, которая оказывала влияние на самые разные сферы жизни западноевропейского общества вплоть до его секуляризации. *Imitatio* как способ воплотить на практике определенный этический образец нельзя в полной мере считать изобретением средневековой культуры. Идеи подражания человеку выдающихся достоинств, мудрому, храброму или благочестивому – тому, кто заслуживает быть примером для других, всесторонне представлены уже в иудейской и греко-римской литературе. С первого столетия новой эры произведения христианских авторов встраиваются в эту богатую традицию, причем можно наблюдать не только континуитет идеи, но и жанровое родство античной биографии и первых текстов христианской культуры, Евангелий¹.

Помимо теологии, осмысление понятия *imitatio Christi* было тесно связано с формированием и развитием религиозной дидактики. Новозаветные описания жизни Христа и заповеданных им нравственных норм стали основой содержания той самой поведенческой модели “подражания Христу”, которая в идеале должна была определять жизнь всякого благочестивого христианина, его “путь во Христе”. *Imitatio Christi* стало центральным понятием и в церковной истории: вся она воспринималась Отцами Церкви и богословами более поздних эпох как история Иисуса, который продолжает действовать в мире². А поскольку Евангелия оставляют возможность для всех поколений верующих по-своему воспринимать и толковать образ Христа, подражание Ему никогда не принимало формы застывшего над временем канона, а изменялось на протяжении столетий вместе с обществом. Более того, в разных культурных сферах – в христианской литературе и в изобразительном искусстве, в церковном ритуале и светском

церемониале, в религиозных практиках индивидов и групп – оно обрело собственные формы репрезентации, а значит, было топосом – подвижной формой мышления, речи и социальной коммуникации, всякий раз наполняемой обновленным, свойственным эпохе содержанием, однако понятным современникам и ожидаемым ими³.

Многообразие форм и дискурсов, в которых “подражание Христу” нашло воплощение, стало предметом интереса историков, философов, филологов, теологов, историков права. Ориентированные на определенную дисциплину, подобные исследования, как правило, посвящены какому-либо одному аспекту изучения *imitatio Christi*⁴, или же анализируемые проблемы фокусируются на конкретном временном отрезке, ограничиваются географией определенного региона⁵.

Чтобы представить относительно целостную картину, своего рода краткую историю *imitatio Christi*, редколлегия “Одиссея” публикует материалы конференции “*Imitatio Christi* в религиозной культуре Средневековья и раннего Нового времени” (ИВИ РАН, апрель 2013⁶). На вопросы, в чем именно состояло “подражание Христу” в разные исторические периоды, в разных жанрах средневековой словесности, от назидательных сочинений до мистических откровений, или в разных сферах жизни, отвечали специалисты из нескольких областей гуманитарного знания. Нашей целью было хотя бы бегло проследить, как меняются акценты на той или иной составляющей образа Христа от Античности к Средневековью и раннему Новому времени, выяснить, насколько индивидуальной могла быть интерпретация “подражания Христу” и какие литературные образцы или, напротив, обстоятельства современной авторам действительности могли на нее влиять.

В ходе обсуждения обнаружился ряд интересных деталей. В первых, это особенности истории самого термина *imitatio Christi*. Например, он далеко не всегда используется (и даже упоминается) в источниках как обобщающее понятие, “модель”, хотя речь в них идет именно о “подражании”⁷. Евангелия и вслед за ними христианские теологи поздней Античности предпочитают говорить о *следовании* (ἀκολουθεῖτω) Иисусу⁸. Эта традиция сохраняется и в житийной литературе, хотя “следование” понимается уже не в буквальном смысле (ср.: Ин. 1: 35–37), а как “следование примеру”, “жизнь во Христе”. Святой – “подражатель” (*imitator*) Христа и “его святых”, но само “подражание” являет себя исключительно в опосредованной форме – как рассказ о “добродетелях и примерах” (*virtutes et exempla*), без эксплицитно сформу-

лированных параллелей с жизнью Иисуса⁹. Само словосочетание “*imitatio Christi*” как относительно абстрактное понятие, содержание которого может варьироваться, появляется в трудах западноевропейских богословов только после X в.: им обозначаются и конкретные “дела” (пост, обуздание страстей), и определенный ход мыслей (например, как взрастить в своем сердце любовь)¹⁰. Лишь на исходе Средневековья термин окончательно закрепляется в литературной традиции и входит в повседневную жизнь верующих благодаря одноименному трактату теолога Фомы Кемпийского. Под “подражанием Христу” в нем подразумевалась вполне конкретная программа наставлений для благочестивых христиан, клириков и мирян. Исключительная популярность этого сочинения во всем христианском мире¹¹ имела два отдаленных во времени последствия. С одной стороны, в современной справочной литературе термин *imitatio Christi* стал прочно ассоциироваться с произведением Фомы Кемпийского, что может ввести в заблуждение исследователя. Но, с другой стороны, став широкоупотребимым, понятие *imitatio Christi* вошло в научный аппарат исторических дисциплин: в историю теологии – как общее обозначение соответствующей теологемы, в историю агиографии – как литературная модель, в соответствии с которой строится все жизнеописание святого.

Далее, выяснилось, что у “подражания Христу” есть свои “границы дозволенного”. И то, что выходит за них, – это уже отнюдь не благочестивое, а соревновательное подражание, *aemulatio*, предпринимаемое дьяволом. Как отмечает А.Е. Махов, подражая божественным деяниям и установлениям, дьявол стремится их превзойти, но на деле лишь искажает, а потому всякий раз терпит поражение в своем стремлении сравняться с Богом и оказывается посрамлен.

К сожалению, далеко не все аспекты многогранной темы *imitatio Christi* нашли отражение в публикуемых статьях. Но общие контуры смысловых полей “подражания” были намечены. Во многом они определяются не только религиозной ментальностью отдельных эпох, но и жанром источников.

“Подражание Христу” становится основополагающим принципом жизни для верующих с момента образования первых христианских общин. Это, как полагает Д. Кейпс, было одним из существенных импульсов к написанию Евангелий, а они, в свою очередь, дали нарративное определение того, что значит “следовать за Христом”. Античная литература эпохи гонений на хри-

стиан центральным элементом подражания сделала идею самопожертвования – мученическую смерть за веру.

Параллельно в патристике развивалась и “теология *imitatio*”, прежде всего у Августина. Он сделал акцент на божественном смирении¹², следуя которому, можно достичь единения с Богом, слияния с ним в “небесном отечестве” (в поздних сочинениях это единение трактуется в мистическом ключе). В русле телеологии Августина Григорий Великий формулирует новую модель святости, “жизнь праведников” *vita iusti*, которую вплоть до позднего Средневековья будет развивать бенедиктинская агиография. Подобно Христу, давшему пример следования Господней воле как единственному условию спасения души (Мф. 7:21), праведники учатся распознавать и исполнять ее во всех перипетиях жизни, продвигаясь по пути, указанному Иисусом. Как показала Ю.Е. АрнаUTOVA, теологема *imitatio Christi* в бенедиктинских житиях еще не выходит за рамки новозаветного учения о добродетелях (*virtutes*) – этического кодекса христианина. Однако как литературная модель, определяющая композиционную схему житийного текста и структуру образа святого, *imitatio Christi* интенсивно развивается и уже к X в. существенно усложняется: агиографы ищут руку Провидения во все более неожиданных сюжетах из жизни своих героев, так что современному исследователю порою с трудом удастся выявить иллюстрируемые этими сюжетами добродетели и евангельские параллели.

К XIII столетию на фоне углубления внутренней религиозности и поиска индивидуальных путей общения с Богом в интерпретации *imitatio Christi* все более явственно дает о себе знать мистическая составляющая, восходящая к разным направлениям христианской философии. Так, находит продолжение традиция “подражания”, обозначенная еще Григорием Нисским и выдвигающая на первый план тему любви к Господу (*caritas Dei, amor Dei*) – путь к его познанию. Само оно трактуется как мистическое единение с Богом, постижение Бога “опытным путем” – душевно и телесно, посредством религиозных переживаний, аскетических и экстатических практик¹³. Примеры подобного опыта в преддверии эпохи “нового благочестия” (*devotio moderna*) разбирает М.Р. Ненарокова. У Мехтильды Хакеборнской (XIII в.) молитва, понимаемая как акт любви к Господу, сопряжена с острым переживанием “присутствия” ее рядом с Христом, что дает ей возможность еще глубже познать Бога и его Премудрость.

На традицию христианской мудрости как “подражания Христу”, уходящую корнями к апостолу Павлу, Бернарду Клервоскому

и Бонавентуре, ориентированы сочинения доминиканца Генриха Сузо (XIV в.), о которых речь шла в докладе М.Л. Хорькова¹⁴. Центральная тема мистики Сузо – созерцание Страстей Христовых – трансформируется в учение о “подражании Христу”, причем обе темы концептуально суммируются в его своеобразной *philosophia spiritualis*. Для Генриха Сузо *imitatio Christi* – это не внешнее подражание страданиям Христа, а внутреннее распятие самого себя, обнаружение смысла Страстей Христовых в сокровенных глубинах человеческого сознания и запечатление их в человеческой душе. Такое “подражание”, подобное внутреннему преображению человека, мудрости обнаружения истины, впоследствии оказало большое влияние на практику *imitationis Christi* в контексте движения “нового благочестия” (*devotio moderna*) в Нидерландах, Германии, Франции, Италии, Испании и др. странах.

“Новым” или “современным” это благочестие верующие в XIV–XV вв. стали обозначать по контрасту с прежними формами благочестивой жизни, в идеале возможной только в рамках традиционных монашеских орденов. Отныне путь к Богу мыслился куда более коротким и простым, как в апостольской Церкви: через повседневную добродетельную жизнь, самоконтроль, духовные упражнения, размышления о земной жизни Христа. Пример Христа, несущего свой Крест, стал для верующих не только своего рода критерием каждодневной этической самооценки, но и ободрением, а “следование” ему – непосредственным переживанием трансцендентного, созерцанием “Господа, который во мне”¹⁵. Это центральная установка главного сочинения из круга *devotio moderna* – “De imitatione Christi” Фомы Кемпийского. Отчасти ее можно объяснить реакцией на оторванную от жизни спекулятивную схоластическую теологию позднего Средневековья. Фома Кемпийский призывал не столько рассуждать о вере и благочестии, сколько учиться им: новому благочестию, писал он, не нужно знать о понятии “раскаяние”, ему нужно чувствовать раскаяние.

В позднее Средневековье и в начале Нового времени тема *imitatio Christi* постепенно выходит за рамки в строгом смысле религиозных литературных жанров. Эта тенденция отчетливо прослеживается, например, в корпусе разнообразных текстов XV–XVII вв., посвященных эпопее Жанны д’Арк. О.И. Тогоева использует материалы обвинительного и оправдательного процессов, хроник, исторических и художественных произведений для анализа тех аспектов “подражания Христу” и параллелей с его жизнью, которые актуализируются в конструируемом ими об-

разе (или образах) французской героини. Как “подражатель Христа” Орлеанская Дева предстает в этих текстах в роли мученицы и триумфатора, спасителя и истинного пророка, который сам исполняет полученное откровение и жертвует собой ради спасения мира.

И, наконец, если взять еще более широкий контекст и рассматривать *imitatio Christi* как вариацию масштабной темы *imitatio Dei*, “подражания Богу”, то конфессиональный аспект отходит на второй план. *Imitatio* как этическая идея жизненного подражания образцовой личности – базовая категория культуры. Читатель, безусловно, заметит общие черты *imitatio Christi* с концепцией *imitatio Dei* у еврейского религиозного философа и ученого XII – начала XIII в. Маймонида, которую исследует в своей статье Х. Крайсель. По сути это все тот же путь к человеческому совершенству, который ведет к бессмертию души и единению с Господом. При этом Маймонид считает, что высшая ступень этого пути – совершенство интеллекта. Чтобы приблизиться к постижению “Того, Кто непостижим”, индивид должен не только вести добродетельную жизнь, творя, как заповедано Господом, “милость, правду и суд на земле”, но и обладать достаточной глубиной понимания, почему следует поступать именно таким образом.

Разумеется, нельзя говорить о том, что интерпретация *imitatio Christi* в традиции философского познания Бога, в христианской дидактике (в разных ее формах) и в текстах иных жанров складывается в некую последовательную линию развития, “эволюцию”. Напротив, в синхронном срезе культуры всякий раз обнаруживается сосуществование разных образцов, часто взаимопроникающих. К тому же в других дискурсах – в изображениях¹⁶, в литургии и в литургической практике, в церемониальном оформлении придворной жизни – *imitatio Christi* обретает специфические для этих сфер и имеющие собственную динамику формы. О них речь шла в двух докладах, к сожалению, оставшихся неопубликованными: А.А. Ткаченко “*Imitatio Christi* в средневековом латинском богослужении” и О.Г. Ульянова “Крещальные аллюзии при интронизации византийских василевсов”.

Imitatio Christi как подражание священнослужителей во время совершения различных чинопоследований тем или иным действиям Иисуса Христа, описанным в Евангелиях, теологически обосновывается учением о посредничестве Христа между Богом и верующими, т.е. Церковью, с одной стороны, и образом Христа-Первосвященника (Евр. 4: 14–16; 5) – с другой. Поэтому все литургические действия, прежде всего таинства, производят-

ся священником “от лица Христа” (*in persona Christi*). Уже в IV в. появляется крещальная формула от первого лица – “Крещу тебя во имя Отца, и Сына, и Святого Духа” (*Ego te baptizo...*). *Ego* здесь относится не только к священнику, но и к Христу. Наиболее интенсивно мистериальная символика проникает в чин мессы, в центре которой – таинство евхаристии, понимаемое как воспоминание о жертве Христа (*sic творите в Мое воспоминание* (Лк. 22: 19; 1 Кор 11: 25)). В рамках богослужения Страстной недели также повторялись сцены из евангельской истории (омовение ног учеников, поездка на осле). Эта тенденция толковать “подражание Христу” как ритуальное воспроизведение священником того, что Христос совершил телесно на земле, особенно наглядно проявилась у каролингского литургияста Амалария Мецского. Все чинопоследование мессы он излагает как историю жизни и деяний Иисуса – от входа в храм священнослужителей как образа Боговоплощения до общего исхождения после заключительной формулы *Ite missa est* как образа Вознесения. Однако подобные буквальные параллели между действиями священников и деяниями Христа были характерны главным образом для христианской Античности и раннего Средневековья. По мере развития теологической мысли и литургии практическая реализация *imitatio Christi* в богослужении все более затруднялась. Во-первых, потому что чин мессы сформировался гораздо раньше и органично наложить на него евангельские образы в хронологической последовательности не получалось (также и из-за нелинейной композиции Евангелий), а во-вторых, такой подход к богослужению входил в противоречие с богословием таинств, которое изначально разрабатывалось в виде отдельной традиции.

Imitatio Christi в форме воспроизведения событий из жизни Христа имело место и в церемониалах средневековых монархов, где наделялось специфической функцией манифестации божественного происхождения верховной власти. Один из наиболее ярких примеров – *imitatio Christi* в византийском чине венчания на царство императоров в XI–XII вв. Центральным элементом ритуала было возложение десницы Иоанна Предтечи – особо почитаемой в Византии реликвии. Это прямая параллель с евангельским рассказом о крещении Христа: василевс выступал зримым подобием Царя царствующих, а сам чин интронизации полностью соотносился с крещальным таинством.

Публикуемые ниже тексты далеко не исчерпывают то разнообразие вопросов, которые можно было бы поставить в рамках темы *imitatio Christi*. В будущем нам хотелось бы расширить круг

жанров источников, обратиться к иным дискурсам, сравнить западную, сирийскую, византийскую, русскую традиции, поэтому, как обычно, редколлегия приглашает авторов для продолжения разговора.

¹ Подробнее об этом см. открывающую раздел статью Д. Кейпса и библиографию из примеч. к ней № 1, 1–3, 5, 8.

² См.: *Schmidt K.D.* Kirchengeschichte als Christushesgeschichte: Zur Grundlegung der Kirchengeschichte // *Gesammelte Aufsätze*. Göttingen, 1967. S. 314–325. Цит. по: *Milchner H.J.* Nachfolge Jesu und Imitatio Christi: Die theologische Entfaltung der Nachfolgethematik seit den Anfängen der Christenheit bis in die Zeit der devotio moderna – unter besonderer Berücksichtigung religionspädagogischer Ansätze. Münster u.a., 2004. S. 4.

³ О подвижности топоса и зависимости его интерпретации от актуальных интересов общества (группы) см.: *Арнаутова Ю.Е.* Перспективы изучения агиографических топосов // *Munuscula*. Сб. статей к 80-летию А.Я. Гуревича / сост. Ю.Е. Арнаутова. М., 2004. С. 182–213, особенно с. 199–204, 206.

⁴ Вот некоторые примеры: *Kim S.* *Imitatio Christi* (1 Corinthians 11:1): How Paul Imitates Jesus Christ in Dealing with Idol Food (1 Corinthians 8–10) // *Bulletin for Biblical Research*. 2003. № 13(2). P. 196–226; *Hibbs Th.* *Imitatio Christi* and the foundations of Aquinas's ethics // *Communio. International Catholic Review*. 1991. Vol. 18(4). P. 556–573; *Webster J.B.* The Imitation of Christ // *Tyndale Bulletin*. 1986. № 37. P. 95–120. *Telesko W.* *Imitatio Christi* und Christoformitas – Heilsgeschichte und Heiligengeschichte in den Programmen hochmittelalterlicher Reliquienschreine // *Hagiographie und Kunst: Der Heiligenkult in Schrift, Bild und Architektur* // Hrsg. von G. Kerscher. Berlin, 1993. S. 369–384.

⁵ См.: *Perry N.* *Imitatio Christi: The Poetics of Piety in Early Modern England*. Notre Dame, 2014; *Kwon S.G.* Christ as Example: The *Imitatio Christi* Motive in Biblical and Christian Ethics. Uppsala, 1988; *Van der Merwe D.G.* *Imitatio Christi* in the Fourth Gospel // *Verbum et Ecclesia*. 2001. № 22(1). P. 131–148; *Marini A.* “Vestigia Christi Sequi” or “Imitatio Christi”: Two Different Ways of Understanding Francis of Assisi's Gospel Life // *Greyfriars Review*. 1997. № 11(3). P. 331–358; *Purkis W.* Elite and Popular Perceptions of *imitatio Christi* in Twelfth-Century Crusade Spirituality // *Studies in Church History*. 2006. № 42: Elite and Popular Religion / Ed. K. Cooper, J. Gregory P. 54–64. Особенно удачный пример сравнительного анализа понятий *следования Иисусу* и *imitatio Christi* в теологии – относительно недавняя работа: *Milchner H.J.* Nachfolge Jesu und Imitatio Christi: Die theologische Entfaltung der Nachfolgethematik seit den Anfängen der Christenheit bis in die Zeit der devotio moderna – unter besonderer Berücksichtigung religionspädagogischer Ansätze. См. также: *Betz H.D.* Nachfolge und Nachahmung Jesu Christi im Neuen Testament. Tübingen, 1967.

⁶ Автор идеи и организатор – А.Б. Герштейн.

⁷ Почему так происходит, см., например: *Van der Merwe D.G.* Op. cit. P. 132 и библиографию, приведенную в примеч. № 1 к его статье.

⁸ См. призыв Иисуса в Мк. 8:34.

⁹ См. статью Ю.Е. Арнаутовой в данном разделе.

¹⁰ Об этом – статья М.Р. Ненароковой.

- ¹¹ Данные о распространенности списков и инкунабульных изданий “De imitatione Christi” и их “географии” см. ниже, в статье М.Г. Логутовой. Ср. также: *Стрижев А.Н.* Фома Кемпийский в России // Богословские труды. 2005. № 40. С. 368–384.
- ¹² “Deus propter te humilis factus est. Puderit te fortasse imitari humilitem hominem, salutem imitare humilitem Dei”. S. Aurelius Augustinus Hipponensis Episcopus. In Joannis Evangelium. Tract. XXV. 16. / Ed. D.A.B. Caillau, D.M.N.S. Guillon // *Collectio Selecta SS. Ecclesiae Patrum. T. CXXII: Sancti Aurelii Augustini Hipponensis Episcopi Opera, Pars. III. Parisiis, 1838. P. 292.*
- ¹³ Ряд полезных наблюдений по этой теме можно найти в публикуемом в данном томе реферате М.Ю. Реутина книги П. Динцельбахера “Средневековая мистика в Германии и Нидерландах”.
- ¹⁴ К большому сожалению редакции, доклад М.Л. Хорькова “Генрих Сузо: от созерцания Страстей Христовых – к подражанию Христу” не публикуется. О мистике Генриха Сузо в интересующем нас ключе писал и М.Ю. Реутин: *Реутин М.Ю.* “Imitator Christi”: жизнь и творчество немецкого мистика Генриха Сузо // Генрих Сузо. Exemplar / Пер. и комм. М.Ю. Реутин. М., 2014. С. 412–418. См. об этом также: Мехтильда Магдебургская. Перевод и исследования / Автор-сост. Н.А. Ганина. М., 2014.
- ¹⁵ Thomae Nemerken a Kempis, *De imitatione Christi*, IV, 13; нижеследующая цитата – Ibid. I, 1; IV, 9). См.: Thomae Nemerken a Kempis. *De imitatione Christi*. Londini, 1867. P. 330, 4, 314.
- ¹⁶ См. публикацию в предыдущем выпуске “Одиссея”: *Воскобойников О.С.* Снова о теле короля. Некоторые особенности поэтики Оттоновской книжной миниатюры // *Одиссей. Человек в истории*. 2013. М., 2014. С. 177–204.

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Я. ГУРЕВИЧА

М.Л. Андреев

ГУРЕВИЧ VERSUS БАТКИН: СПОР ДВУХ ЭПИСТЕМОЛОГИЙ? 5-11

Л.М. Баткин

ЗАМЕТКА О ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К КУЛЬТУРНЫМ
ТЕКСТАМ 12-17

М.Ю. Парамонова

...*AUT DESIDERATA MORTE MORIAMUR*: МИССИЯ КАК ДОЛГ И КАК
ЛИЧНЫЙ ВЫБОР 18-65

IMITATIO CHRISTI В РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ю.Е. Арнаутова, А.Б. Герштейн

ВВЕДЕНИЕ 66-74

Д.Б. Кейнс

IMITATIO CHRISTI И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВАНГЕЛИЙ 75-98

Ю.Е. Арнаутова

IMITATIO CHRISTI: ТЕОЛОГЕМА И ЛИТЕРАТУРНАЯ МОДЕЛЬ В
БЕНЕДИКТИНСКОЙ АГИОГРАФИИ 99-139

М.Р. Ненарокова

МОЛИТВА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ *IMITATIO CHRISTI* ДЛЯ ЧАСТ-
НОГО ЛИЦА (ПРИМЕР МЕХТИЛЬДЫ ХАКЕБОРНСКОЙ) 140-161

Мехтильда Хакеборнская

КНИГА ОСОБОЙ БЛАГОДАТИ (*пер. с лат. М.Р. Ненароковой*) 162-181

М.Г. Логутова

“ПОДРАЖАНИЕ ХРИСТУ” ФОМЫ КЕМПИЙСКОГО 182-224

А.Е. Махов

ДЬЯВОЛ – ИМИТАТОР ИЛИ АЕМУЛЯТОР БОГА? 225-238

О.И. Тогоева

ПРОРОК, МУЧЕНИЦА ИЛИ ТРИУМФАТОР? *IMITATIO CHRISTI*
В ИСТОРИИ ЖАННЫ Д’АРК (XV–XVII ВВ.) 239-257

Х. Крайсель

IMITATIO DEI В “ПУТЕВОДИТЕЛЕ РАСТЕРЯННЫХ” МАЙМОНИДА 258-309

**МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
“ВОЗМОЖНО ЛИ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ?”**

<i>О.Е. Кошелева</i>	
ВВЕДЕНИЕ	310-314
<i>Ю.Е. Арнаутова</i>	
ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕГОДНЯ: ВЫЗОВЫ И ШАНСЫ.....	315-336
<i>П.Ш. Габдрахманов</i>	
ОБЫЧАИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФЛАНДРИИ (ПО РОДОСЛОВНЫМ СПИСКАМ АЛТАРНЫХ ТРИБУТАРИЕВ).....	337-345
<i>Ю.П. Крылова</i>	
“УЮТ ПОВСЕДНЕВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ”, ИЛИ ОБ ОТНОШЕ- НИИ К РЕЛИГИОЗНЫМ ПРАКТИКАМ ВО ФРАНЦИИ XIV в.	346-354
<i>О.И. Тогоева</i>	
ИСТОРИЯ ПРАВА И ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ТОЧКИ ПЕРЕ- СЕЧЕНИЯ.....	355-365
<i>С.К. Цатурова</i>	
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЛАСТИ: ГРУППОВЫЕ СТРАТЕГИИ И ЛИЧНЫЕ АМБИЦИИ СЛУЖИТЕЛЕЙ КОРОНЫ ФРАНЦИИ В XIII–XV вв.	366-372

**ВЕНЕЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

<i>П. Ланаро</i>	
ИНОЗЕМЦЫ В ГОРОДЕ ИНОЗЕМЦЕВ: ВЕНЕЦИЯ, XIV–XVIII вв.	373-386
<i>Н. Жечевич</i>	
<i>SERENISSIMA</i> МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И КОРРУПЦИЕЙ: СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ВНЕЦИАНСКИХ ЧИНОВНИКОВ.....	387-401

ОБРАЗ “ДРУГОГО”

<i>М.Ю. Андрейчева</i>	
МУСУЛЬМАНЕ, КАТОЛИКИ И ИУДЕИ В ЛЕТОПИСНОМ РАССКАЗЕ О ВЫБОРЕ ВЕРЫ КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ: ОБРАЗЫ И СМЫСЛЫ.....	402-440

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

<i>М.Ю. Реутин</i>	
СРЕДНЕВЕКОВАЯ МИСТИКА В ГЕРМАНИИ И НИДЕРЛАНДАХ.....	
<i>Peter Dinzelsbacher. DEUTSCHE UND NIEDERLÄNDISCHE MYSTIK DES MITTELALTERS: EIN STUDIENBUCH. BERLIN; BOSTON: W. de GRUYTER, 2012. 424S.</i>	441-454

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 70-ЛЕТИЮ ДМИТРИЯ ЭДУАРДОВИЧА ХАРИТОНОВИЧА	455-456
---	---------

IN MEMORIAM

НЕСКОЛЬКО ПЕЧАЛЬНЫХ СООБРАЖЕНИЙ ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ БОРИСА ДУБИНИНА (31.12.1946–20.08.2014).....	457-459
О БОРИСЕ И БОРХЕСЕ	459-462
SUMMARIES.....	463-470
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	471

CONTENTS

COMMEMORATING THE 90th ANNIVERSARY OF ARON YA. GUREVITCH

Mikhail L. Andreev

GUREVITCH VERSUS BATKIN: THE CONTROVERSY OF TWO
EPISTEMOLOGIES?

Leonid M. Batkin

A NOTE ON THE DIALOGIC APPROACH TO CULTURAL TEXTS

Marina Yu. Paramonova

...*AUT DESIDERATA MORTE MORIAMUR*: MISSION AS A DUTY AND AS
AN INDIVIDUAL CHOICE

IMITATIO CHRISTI IN THE MEDIEVAL AND EARLY MODERN RELIGIOUS CULTURE

Yulia E. Arnautova, Anna B. Gerstein

INTRODUCTION

David B. Capes

IMITATIO CHRISTI AND THE GOSPEL GENRE

Yulia E. Arnautova

IMITATIO CHRISTI: A THEOLOGICAL CONCEPT AND A LITERARY
MODEL IN THE BENEDICTINE HAGIOGRAPHY

Maria R. Nenarokova

PRAYER AS A WAY OF *IMITATIO CHRISTI* FOR AN INDIVIDUAL (THE
CASE OF MECHTILDE OF HACKEBORN)

THE BOOK OF SPECIAL GRACE OF ST. MECHTILDE OF HACKEBORN
(*Transl. from Latin by Maria R. Nenarokova*)

Margarita G. Logutova

THE BOOK *DE IMITATIONE CHRISTI* BY THOMAS A KEMPIS

Alexander E. Makhov

IS THE DEVIL AN *IMITATOR* OR AN *AEMULATOR* OF GOD?

Olga I. Togoëva

PROPHET, MARTYR OR TRIUMPHATRIX? *IMITATIO CHRISTI* IN THE
HISTORY OF JOAN OF ARC (15th–17th CENTURIES)

Howard Kreisel

IMITATIO DEI IN MAIMONIDES' GUIDE OF THE PERPLEXED

**MATERIALS OF THE ROUND TABLE
'CAN THE HISTORY OF MEDIEVAL EVERYDAY LIFE
BE STUDIED?'**

Olga E. Kosheleva

INTRODUCTION

Yulia E. Arnautova

THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE TODAY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Pavel Sh. Gabdrakhmanov

PRACTICES OF NAME GIVING IN FLANDERS ACCORDING TO GENEALOGIES OF *TRIBUTARII* (12th–13th CENTURIES).....

Yulia P. Krylova

"THE COMFORT OF EVERYDAY EXISTENCE", OR ON RELIGIOUS PRACTICES IN THE 14th CENTURY FRANCE.....

Olga I. Togoeva

THE HISTORY OF LAW AND THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE: INTERSECTIONS.....

Susanna C. Tsaturova

THE EVERYDAY ROUTINE OF STATE BODIES: FRENCH ROYAL OFFICERS' GROUP STRATEGIES AND INDIVIDUAL CLAIMS IN 13th–15th CENTURIES.....

VENICE: PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

Paola Lanaro

STRANGERS IN THE CITY OF STRANGERS: THE VENICE OF 14th–18th CENTURIES

Nada Zečević

SERENISSIMA BETWEEN POWER AND CORRUPTION: STRATEGIES OF VENETIAN OFFICIALS' BEHAVIOUR.....

IMAGE OF THE 'OTHER'

Marianna Y. Andreycheva

MUSLIMS, CATHOLICS AND JEWS IN THE STORY OF CHOOSING THE FAITH BY PRINCE VLADIMIR IN THE *PRIMARY CHRONICLE*: IMAGES AND MEANINGS

REVIEWS

Mikhail Y. Reutin

THE MEDIEVAL MYSTICISM IN GERMANY AND IN THE NETHERLANDS.....

Peter Dinzelbacher. Deutsche und niederländische Mystik des Mittelalters. Ein Studienbuch. Berlin; Boston: W. de Gruyter, 2012. 424 S.

ANNIVERSARIES

THE 70th ANNIVERSARY OF DMITRIY EDUARDOVICH KHARITONOVICH

IN MEMORIAM

A FEW SAD CONSIDERATIONS OF BORIS DUBIN'S DECEASE (31.12.1946–20.08.2014).....

ABOUT BORIS AND BORES.....

SUMMARIES.....

ABOUT THE AUTHORS.....